

единственно с отношениями идей, и даже если оно устанавливает между идеями необходимые отношения, оно ничуть не гарантирует нам, что реальные вещи соответствуют порядку идей. Если угодно высказать утверждение, которое одновременно гарантировало бы истинность и реальность того, о чем в нем говорится, нам необходима непосредственная очевидность, но уже не абстрактная, а интуитивная. Уильям Оккам не переставал это повторять. Интуитивное познание — единственное, которое относится к существованию и которое позволяет нам добраться до самих фактов. «В противовес интуитивному познанию, — говорит он нам, — абстрактное познание не позволяет нам узнать, существует ли вещь, которая существует, или не существует вещь, которая не существует». «Интуитивное познание — это такое познание, посредством которого мы знаем, что вещь существует, когда она существует, и что она не существует, когда не существует». Отсюда следует, что чувственное познание — это единственно надежное познание, когда речь идет о необходимости Достичь существования. Если я вижу белое тело, то только интуиция позволяет мне немедленно установить очевидную связь меж-

ду этими двумя терминами и утверждать эту истину: это тело — белое. Интуитивное познание, как мы его определяем, является, таким образом, отправной точкой экспериментального познания (*«ilia notitia est intuitiva a qua incipit experimentalis notitia»*). А лучше сказать, оно само есть экспериментальное познание, и именно оно позволяет нам затем сформулировать — посредством генерализации знания частного — общие положения, являющиеся началами искусства и науки. *«Perfecta cognitio intuitiva est illa de qua dicendum est quod est cognitio experimentalis, et ista cognitio est causa propositionis universalis quae est principium artis et scientiae»**.

Это — основополагающая истина, и мы должны вспоминать о ней всякий раз, когда претендуем утверждать существование некоторой сущности или причины. Часто говорят о постоянном использовании Оккамом принципа экономии мышления: не следует без необходимости умножать сущности. Но характерный для него способ применения этого аристотелевского принципа — причем, если нужно, против самого Аристотеля — нельзя было бы объяснить, не учитывая неоспоримого превосходства, которое Оккам признавал и желал утвердить за экспериментальным познанием. Если никогда не нужно утверждать, что вещь существует, когда она не обязана этого делать, то только потому, что единственная гарантия, которую мы можем получить о существовании вещи, — это непосредственный опыт ее существования. Поэтому Оккам много трудится над тем, чтобы объяснить вещи по возможности самым простым способом и очистить поле философии от загромождающих его сущностей и воображаемых причин. Вы хотите узнать, существует ли сущность? Нужно попытаться ее констатировать, и тогда вы обязательно увидите, что она совпадает с особенным. Если вы хотите подтвердить с полной определенностью причину некоего явления, то необходимо и достаточно произвести опыт. У одного и того же результата может быть

Глава IX. Философия в XIV веке

486

несколько причин, но ни одну из них нельзя приписывать ему без необходимости, то есть если к этому по крайней мере не принуждает опыт. Можно узнать причину явления в том, что, если выявлена одна причина и остальное отброшено, результат имеет место, тогда как, если причина не выявлена, а остальное все-таки остается, результат не имеет места (*«hoc tamen non est ponendum sine necessitate, puta nisi per experientiam possit convinci, ita scilicet, quod ipso posito, alio destructo, sequitur effectus, vel quod ipso non posito, quocumque alio posito non sequitur effectus»*). Единственное средство доказать, что одна вещь является